

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Е. Ю. Дубровская

Дубровская Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

E-mail: ldubrovskaya@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО «ВОЕННОГО ФАКТОРА» НА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФИНЛЯНДСКОЙ АВТОНОМИИ¹

Статья посвящена исследованию вопроса о том, как шло формирование образа внутреннего врага и психологии гражданской войны у солдат, матросов и офицеров, которые служили в автономном Великом княжестве Финляндском на северо-западном рубеже Российской империи в годы Первой мировой войны. Заключительный период финляндской автономии в кругах военных был отмечен поиском внутренних врагов, а разграничение понятий «свой / чужой» теряло прежнюю определенность, и врагом мог оказаться каждый. Это приводило ко всеобщей подозрительности, которая коренилась в шпиономании военного времени и отразилась как в опубликованных источниках, так и в материалах российских архивов и Национального архива Финляндии, а также в произведениях художественной литературы. Среди них обращает на себя внимание роман «Капитальный ремонт», посвященный жизни Балтийского флота накануне Первой мировой войны и принадлежащий перу писателя-мариниста Леонида Соболева, выпускника Морского кадетского корпуса в Петербурге.

¹Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011)

Рассмотренные источники дают возможность проследить, каким образом последствия войны сказывались на духовной жизни армии и общества, свидетельствуют о разноречивых контактах военных с населением Финляндии. Документы и страницы романа Соболева демонстрируют противоречия между рядовыми и офицерами, кому суждено было, не трогаясь из мест расположения своих частей, к концу 1917 г. оказаться на территории нового независимого государства и оставаться в охваченной войной Финляндии до весны 1918 г. Изучение многосторонних аспектов истории российской армии и флота периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах) позволяет представить ту реальность, в которой в 1914 – 1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье.

Ключевые слова: Первая мировая война, Финляндия, российские военнослужащие, гражданское население, «военный фактор», образ врага, контакты, противоречия

E. Y. Dubrovskaya

Dubrovskaya Elena Yurjevna, PhD in History, senior researcher of Sector of history, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre RAS,
E-mail: ldubrovskaya@inbox.ru

INFLUENCE OF RUSSIAN “MILITARY FACTOR” ON LIFE OF FINNISH POPULATION AT THE FINAL PERIOD OF FINLAND’S AUTONOMY²

The paper deals with the question of forming the image of inner enemy and the psychology of civil war common to soldiers, sailors and their officers, who served in the imperial army and navy in the autonomous Grand Duchy of Finland on the North-Western border of the Russian empire during the World War I. The final period of Finland’s

²The reported study was funded by the federal budget according to the state assignment of the Karelian Research Centre RAS (research project 0225-2018-0011)

autonomy was marked in the military circles with searching the inner enemies while the difference between conceptions of “our / hostile”- ones lost it’s clarity, thus everyone could turn out to be an enemy. This led to total suspiciousness based on spy-mania of the war time and reflected either in published sources or in archive materials from Russian archives and the National archive of Finland as well as in belles-lettres. The “Capital Repair” novel by marine writer Leonid Sobolev devoted to the Baltic Fleet on the eve of the World War I is remarkable among such literary sources, the author of the novel graduated from the Navy Cadet Corps in Petersburg.

The examined sources let us trace the influence of the war’s consequences on the general spiritual make-up of army and society, give evidence of contradictory contacts between servicemen and the population of Finland. The documents and the fragments of the novel demonstrate conflicts between rank-and-files and officers, those servicemen who by the end of 1917 not leaving the locations of their units were destined to find themselves on the territory of the new independent state and to stay in Finland involved in the Civil war up to the spring 1918. Study of many-sided aspects of history of the Russian army and navy in the World War I, the psychological peculiarities common to Russian servicemen, stayed in Finland in this period, social and moral norms of rank-and-files and officers, their notions on neighbor ethnoses (the Finns and the Swedes) help to reconstruct the reality of 1914 – 1918, in which thousands of recent civilians mobilized under arms turned to be.

Keywords: World War I, Finland, Russian servicemen, civil population, “military factor”, image of enemy, contacts, contradictions.

В годы Первой мировой войны и российской революции 1917 года резко обострились взаимоотношения между имперским центром и автономным Великим княжеством Финляндским. Уже с началом войны к существовавшему ранее конфликту вокруг прерогатив верховной и местной власти в Финляндии добавился новый, связанный с необходимостью тотальной мобилизации, а значит, и с усилением государственного вмешательства в местные дела, с расширением роли армии и военной администрации в государственном управлении. Последовавшая российская революция 1917 года, в которую были вовлечены российская армия, флот

и гарнизоны и которая сопровождалась волной национальных революций, еще более обострила и запутала существовавший конфликт³.

Цель настоящего исследования - проследить влияние "военного фактора" на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российском государстве в заключительный период финляндской автономии в составе Российской империи, а также проанализировать предпочтения флотского и армейского командования российских войск в Финляндии в оценке «благонадежности» ее жителей в условиях военного времени. Исследование опирается на опубликованные и хранящиеся в архивах воспоминания российских военнослужащих в Финляндии, а также на материалы военной цензуры, которые позволяют проследить, насколько сложным в обстановке продолжавшейся войны оказалось отношение российских флотских и армейских офицеров к финляндской политике, к финскому и шведскому населению Великого княжества⁴.

Проблема, которую долгое время отечественные историки обходили молчанием, - специфика корпоративного мировосприятия офицерства, обусловленная бытом, системой ценностей и другими особенностями коллективного сознания. Сегодня она все больше привлекает к себе внимание применительно к имперскому измерению истории российских войск в Финляндии⁵. Московский историк Е.Ю. Сергеев, ведущий специалист по изучению ментальности российских военных элит, выявил особенности их представленных моделей, что дает ключ к пониманию

³Барышников В.Н. Латышский большевик И.Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 20 (№ 1). 2019. С.26 – 38; Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб, 2001. С. 18-21, 47 – 50.

⁴Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2008.

⁵Бажанов Д. А. Тенденции и стереотипы во взаимоотношениях матросов и офицеров весной 1917 г. на кораблях Гельсингфорсской военно-морской базы// Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2015. Т.4. № 1. С.38-48; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917 – 1918 гг. М., 2010; Кожевин В.Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб, 2001; Ланин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 98 – 120.

мировосприятия командных кадров как высокостатусных социальных групп, в частности, приверженность имперской идее, этнопатернализм, алармизм и конфликтность внешнеполитической ориентации элитных групп в вооруженных силах⁶.

Известно, что в XIX столетии представители высшего великокняжеского общества поддерживали многочисленные контакты с русскими офицерами, общаясь с ними на французском языке. Прислуга же быстро усваивала минимальный набор русских фраз, достаточный, чтобы объясниться с унтер-офицерами или рядовыми чинами⁷. Однако в конце XIX в. отношения между русскими военными и местным населением стали охлаждаться. Отчасти это объясняется возрастающим чувством национального самосознания финнов. Другим обстоятельством, повлиявшим на изменение отношений, явилось комплектование национальных вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности, проводившейся в соответствии с военной реформой 1878 г. в Финляндии. Теперь русская армия все больше воспринималась финнами как чужеродное образование. Тем, что окончательно заставило “просвещенный класс” Финляндии порвать отношения с российскими военными, была политика централизации, которая проводилась царским правительством в Великом княжестве и воспринималась здесь как русификация.

Важным фактором, повлиявшим на отношение финляндцев к российской власти, а также на события революции 1917 года в регионе, стал роспуск финских национальных военных формирований. В 1901 году император Николай II, желая унифицировать воинскую службу, распорядился упразднить финляндские войска; жители княжества должны были проходить военную службу в русских частях. Последовавший протест финляндской молодежи и отказ от явки на призывные участки привели к тому, что в 1905 году подданные княжества были полностью освобождены от воинской службы. Взамен Финляндия должна была выплачивать в российский бюджет денежную компенсацию – так называемые «военные миллионы», которые шли на нужды обороны империи⁸. Таким образом, начиная с 1905 года, оборона Великого княжества лежала исключительно

⁶Сergeev E.Yu. Представленческие модели имперских военных элит накануне Первой мировой войны // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 140 – 149.

⁷Melkko M. Venalainen sotaväki Helsingissä // Venalaisuus Helsingissä 1809—1917. Helsinki, 1984. S.51.

⁸Luntinen P. Sotilasmiljoonat. Helsinki, 1984. S. 176 – 180.

на российской армии и флоте, части которых расположились на территории Финляндии и входили в состав Петербургского военного округа⁹.

В романе «Капитальный ремонт», посвященном судьбе Балтийского флота во время Первой мировой войны, писатель-маринист Леонид Соболев, один из последних выпускников Морского кадетского корпуса, описывает финляндскую столицу Гельсингфорс (Хельсинки), какой увидел ее, прибыв сюда для прохождения службы накануне военных событий. Финляндия видится ему не «скучной страной», какой часто казалась российскому обывателю, а такой, как она открывалась взгляду, брошенному с капитанского мостика: «В двенадцати часах езды от столицы Российской империи стоит на голубом граните скал иностранный город, и время в нем – не российское». Но на Гельсингфорс базируется флот, – продолжает автор, – в Свеаборге – крепость, на Скатуддене – порт, в Мариинском дворце – генерал-губернатор. Поэтому в Гельсингфорсе живут семьи флотских офицеров, портовые чиновники, семьи гарнизона, врачи, чиновники генерал-губернатора, торговцы, финансисты, преподаватели русской гимназии. В слоеном пироге шведско-русско-финского гельсингфорсского общества флотские офицеры вкраплены блестящими цукатами в верхний, лучший слой; они – украшение, блеск и вкус, и перед ними меркнут деньги шведских и русских финансистов, тускнеет административное величие генерал-губернаторского двора. Они – хозяева, и в этом им никто не откажет. Гельсингфорс – столица флота»¹⁰.

Финляндская столица стала главной базой не только самого крупного российского флота, но и всех военно-морских сил России. Неудивительно, что задолго до Февральских событий 1917 г. российские офицеры воспринимали Гельсингфорс как «свой» город, средоточие моряков и армейцев, находившихся в Финляндии. Вместе с тем сосуществовало и восприятие его как «прекрасного, культурного города с заграничным, совсем не русским укладом жизни»¹¹. Упорядоченную жизнь «законопослушных финляндцев», казалось, не могли нарушить потрясения революционного времени.

Старший помощник командира миноносца «Гром» Э.С. Панцержанский, после гибели корабля в Рижском заливе получивший назначение на Або-Оландскую военно-морскую базу, оставил воспоминания о своих впечатлениях от столицы Финляндии в конце октября 1917 г. Перед выез-

⁹Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С.136.

¹⁰Соболев Л.С. Капитальный ремонт. Роман. СПб, 1994. С.10, 12 – 13.

¹¹РГА ВМФ. Ф. Р-2226. Оп.1. Д.199. Воспоминания А.П. Белоброва.

дом в г. Або (Турку) с гельсингфорского вокзала он наблюдал за «сновавшей перед глазами толпой опрятно одетых людей», среди которых «лишь изредка мелькали флотские фуражки и бескозырки с ленточками». По свидетельству мемуариста, «несмотря на большое скопление народа, вокзал поражал своей чистотой. «Впрочем, не только один вокзал – Гельсингфорс, да и вся Финляндия в этом отношении не имела конкурентов в стране, охваченной революцией, хотя финнам после Февраля и приходилось прилагать вдвое больше усилий для поддержания свойственной им опрятности»¹².

Леонид Соболев упомянул и о непростых отношениях между служившими в Финляндии армейцами и флотскими офицерами-балтийцами. На страницах романа он рассказал о неприязненных чувствах к «флотской элите» некоего штабс-капитана, который «равно не любит офицеров гвардейских полков и офицеров флота». Персонаж, от чьего лица выражены эти чувства, не скрывает своей досады: «Они одинаково блестящи, самоуверенны и обособлены. Гвардия Его Величества, флот Его Величества!.. А армия – не Его Величества? Армия, безмерная серая армия штабс-капитанов занумерованных полков, армия, принимавшая на себя удары войн и восстаний, разве она – не Его Величества? Откуда у них, у флотских, эта самоуверенность, с которой они ходят по улицам финских городов, как по дорожкам собственных имений? Они подлинно владеют этой страной, порядок в которой поддерживают те же штабс-капитаны гарнизонов Або, Торнео, Николайштадта и Свеаборга». Примечательно, что штабс-капитан «побаивается мичманов и боится лейтенантов, хотя они ниже его чином...»¹³.

Однако и для флотской элиты, и для армейских офицеров «свое» финляндское княжество все же оставалось «чужим», и не только потому, что территориально располагалось на северо-западном рубеже воюющей империи. Финляндия была населена жителями, поведенчески оппозиционными имперскому центру России. Накануне Первой мировой войны с возобновлением попыток центральной власти добиться унификации статуса Финляндии с положением других частей империи, военнотружущие раньше прочих категорий российских подданных испытали на себе усиление националистического, противоиimperского настроения финляндцев, которые были возмущены ущемлением ранее приобретенных привилегий.

¹²Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 8. С.92.

¹³Соболев Л.С. Капитальный ремонт. С.8.

Активная деятельность штаба Петербургского военного округа и негласной агентуры как в Великом княжестве, так и особенно в соседней Швеции, свидетельствовала о том, что фактор Финляндии, превратившейся к рассматриваемому периоду в очаг сепаратизма на территории Российской Империи, находился в фокусе внимания русских военных экспертов в Северных странах¹⁴. В годы войны в Финляндии наблюдался всплеск германофильских симпатий, выразившихся в развитии «активизма», движения сторонников установления взаимоотношений с Германией для объединенных действий против России¹⁵. Растущие ожидания финляндских национальных элит на извлечение политических выгод из столкновения империй привлекали пристальное внимание российских властей. С целью обезопасить Петроград с севера в случае выступления Финляндии на стороне Германии российский генштаб направлял в княжество российские воинские пополнения, весной 1915 г. войска были введены во все прибрежные приходы. Летом того же года из частей X-го корпуса Государственного ополчения был сформирован 42-ой армейский корпус, составивший основу российских войск в Финляндии. На территории княжества также были дислоцированы воинские части, находившиеся в распоряжении командующего Балтийским флотом, в частности, гарнизон Свеаборгской крепости, которая прикрывала с моря Гельсингфорс (Хельсинки), и гарнизоны ряда других крепостей¹⁶.

Если с началом Первой мировой войны численность российских войск в Финляндии значительно увеличилась, то в конце августа - сентябре 1917 г., когда из-за угрозы германского десанта были введены дополнительные силы в Свеаборг и Гельсингфорс, она достигла своего максимума. Общее количество сухопутных войск в Финляндии составило около 100 тыс. человек; вместе с личным составом команд Балтийского

¹⁴*Сергеев Е.Ю., Улуян А.А.* Военные агенты Российской империи в Европе. 1900 – 1914. М., 1999. С. 280 – 281.

¹⁵*Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы первой мировой войны. СПб, 2002. С. 45- 46.

¹⁶*Иоффе А.Е.* Морской гарнизон Гельсингфорса в Февральской революции // Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. СПб, 1993. С. 26; *Петраш В.В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л., 1966. С. 12–16; *Шкваров А.Г.* Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914 – 1918): проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы 2012. № 13. С.109 – 119; Heikkinen S. “Den Ryska soldatsken och Österbotningarna // Blod på drivan. Händelserna 1917 – 1918 ur ett österbottniskt perspektiv. Vasa, 1999. S.25.

флота численность российских военных приблизилось к 125 тыс. человек¹⁷.

В среде военнослужащих российских гарнизонов ввод дополнительных войск в Финляндию нередко интерпретировался как мера, вызванная нежеланием самих финнов защищать свою территорию. Несмотря на то, что Финляндия была тесно вовлечена в военные усилия России (многие финны были причастны к выполнению военных заказов, проводились мобилизации гражданского населения на строительство оборонительных сооружений¹⁸), военные чины полагали, что финляндцы не желают прилагать достаточные усилия для обеспечения обороны империи и даже не хотят «копать укрытия русским»¹⁹. Финнов упрекали в том, что, будучи освобождены от воинской повинности, они надеются уцелеть за чужой счет. Подозрительность усиливали как распространившаяся шпиономания, так и опасения предательского удара со стороны «сепаратистов»²⁰. Масла в огонь подливало то, что в Германии из финнов-добровольцев формировался 27-й Королевский Прусский егерский батальон, в связи с чем российское командование Северного фронта даже запретило выезд

¹⁷*Баумакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917—1939. Helsinki: Studia Slavica Finlandensia VII. 1990; *Рупасов А.И.* Вступительная статья // *Казанцев Д.Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время первой мировой войны. 1914 – 1917. М., 2016. С. 13; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army in Finland 1808 - 1918. Helsinki, 1997. P. 274 – 275; *Nahri M.* Venalaiset juokot Suomessa autonomian aikana // *Venalaiset Suomessa: 1809—1917.* Helsinki: Historiallinen Arkisto 83. 1984. S. 161—180; *Turpeinen O.* Venajankielisten maara Suomessa vuonna 1900 // *Venalaiset Suomessa ...* S. 21—28..

¹⁸*Правилова Е.* Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801 – 1917. М., 2006. С. 233 – 244; *Соломец И.М.* Особые органы государственного управления российской империи и Финляндия в годы первой мировой войны // Вопросы истории Европейского севера. Петрозаводск, 2007. С. 161; *Новоселова З. А.* Выборг на переломе истории // Страницы Выборгской истории: краеведческие записки Выборг, 2000. С. 257 – 258; *Nahri M.* Venalaiset juokot... S. 170.

¹⁹*Korkama E., Roudasmaa S.* Tapparasta Tankkeihin: Hämeenlinnan varuskunnan historia. Joensuu, 1988. S. 257.

²⁰*Булдаков В.П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. СПб, 1999. С. 406 – 418; *Расула В.* История Финляндии С.138 - 141.

за границу из Финляндии мужчин в возрасте от 19 до 35 лет, чтобы не допустить их вступления в батальон²¹.

В воспоминаниях офицеров-балтийцев (Г.К. Графа, Э.С. Панцержанского, С.Н. Тимирева), гельсингфорсского военного цензора штабс-капитана Д.Л. Казанцева постоянно встречаются указания на то, что «с самого начала войны Гельсингфорс был центром германского шпионажа и разрушительной революционной работы, имевшей целью ослабить наш флот». Это облегчалось «иностранным характером» города «с населением, говорящем на чуждом языке, в некоторых своих слоях настроенным германофильски». Появление неприятельских мин в акватории Финского залива капитан 1 ранга командир крейсера «Баян» С. Н. Тимирев объясняет версией, наиболее казавшейся ему вероятной: «мины ставились с чухонских лайб, купленных или нанятых немецкими агентами, которых в Финляндии было очень много, и из природных финляндцев»²².

Факт формирования егерского батальона, подготовка и последующая деятельность егерей не составляли тайны для русских военных властей в Финляндии. Так, старший военный цензор Выборгской крепости подпоручик Снесарев сообщил в 1916 г. вышестоящему начальству, что в Финляндии не является секретом «уход нескольких сотен молодежи по инициативе студентов шведского происхождения в Германские войска». Громадное финское большинство «относится к этому факту отрицательно и, напротив, положительно к поступлению финской молодежи на нашу военную службу»²³. Подпоручик сослался на докладную записку военных цензоров о публикациях в печати, предпринятую для выяснения позиции населения «на случай войны со Швецией», а также на собственный опыт более чем двадцатилетнего общения с финляндцами «во всех кругах» по долгу службы. Снесарев (которого Старший военный цензор Гельсингфорса штабс-капитан Казанцев презрительно назвал призванным по Государственному ополчению бывшим сотрудником

²¹Новикова И.Н. «Финская карта»... С. 124 – 134; *Соломец И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917) . Петро-заводск, 1992. С. 34 – 35; *Lackman M.* Jääkarimuistelmia. Helsinki, 1994; *Roselius A., Silvennoinen O.* Villi itä. Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918 – 1921. Helsinki: Tammi, 2019. S. 20 -28.

²²Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб, 1998. С. 61, 71.

²³Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, далее - КА). «Русские военные бумаги». Д. 3847. Л.13.

«Нового времени»²⁴) утверждает, что «подавляющее большинство финского населения отнесется во время войны со Швецией никоим образом не сочувственно к шведам»²⁵.

Однако вопреки заключению авторов докладной записки, он настаивает: «вооруженного им сопротивления, тем не менее, при настоящих условиях, безусловно, не будет», т.к. «по собственному почину финны за оружие не возьмутся. Теперь часть интеллигенции и учащейся молодежи скорее даже активно выступает за Швецию, чем против нее. Но огромное большинство рабочих и все крестьянство останется пассивно и равнодушно как к шведским, так, к сожалению, и к нашим интересам»²⁶.

По мысли Снесарева, «при затрате некоторой энергии и сравнительно небольших средств и теперь нетрудно вывести финскую крестьянскую и рабочую молодежь из пассивного состояния и сделать значительную часть её активной в наших интересах. Одним из ближайших средств к тому - врожденная склонность финнов к охоте и спорту. Умело утилизируя эту склонность, можно и теперь организовать группы охотников и разведчиков в разных местностях». Военный цензор оговаривает непременное условие, которое должно соблюдаться: «группы организуются и оставляются на местах, обслуживая известный свой район в качестве вооруженных проводников и разведчиков»²⁷.

Автор документа отметил, что «формировать отдельные части вроде латышских батальонов в Финляндии теперь нельзя: никто не пойдет, а для обязательного призыва упущено время», хотя «это можно было сделать чрезвычайно легко и просто в начале войны, когда все ошеломлены были внезапностью налетевшей угрозы», и что «нет причин опасаться местного финского населения». Но предупредил, что ошибочно «было бы и рассчитывать на него, не принимая никаких мер агитации в нашу сторону»²⁸.

Образ финляндцев, отразившийся в материалах русской военной цензуры, сохранял традиционные положительные черты, которыми жители Великого княжества наделялись в представлениях россиян с конца XIX

²⁴Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914 – 1917. М., 2016. С. 128, 229.

²⁵КА. «Русские военные бумаги». Д. 3847. Л.13.

²⁶Там же.

²⁷Там же. 13 об.

²⁸Там же.

столетия²⁹. Вместе с тем отношение российских военных к финляндцам отнюдь не было однозначным. В октябре 1916 г. штабс-капитан Казанцев охарактеризовал настроения жителей столичной Нюландской губернии следующим образом: «тон их писем до чрезвычайности сдержанный и осторожный. В письмах стараются совершенно не касаться вопроса о военных действиях, и получается такое впечатление, что как будто бы войны нет, а последствия, вызываемые ею, трогают и касаются финляндцев постольку – поскольку это связано с состоянием их кармана, и в этом отношении жалобам на растущую дороговизну жизни нет конца». Тем не менее, по наблюдению цензора, у авторов некоторых писем «невольное проскользнуло недоброжелательное отношение к русским, называемым либо “чужими”, либо “они” и “эти”». В частности, оно выразилось в советах «не выходить на улицу по вечерам и подходить к школе, где господствует “чужой элемент”»³⁰. (Из-за недостатка казарменных помещений рядовые чины занимали не только военные казармы, но также и здания финских народных школ).

В январе 1917 на основании данных перлюстрации корреспонденции, поступавшей из Швеции, в военной цензуре отмечалось, что «волнующим всех вопросом является, главным образом, предполагаемое весною выступление Швеции, о чем много пишут финляндцы своим домашним, но в очень сдержанной форме». Так, «некая Ида» писала из окрестностей шведского города Хускварна о том, что «много толков порождает эта страшная война, конца которой не могут дожидаться... Ходят упорные слухи, что шведы в скором времени тоже начнут воевать с Россией», т.к. в газетах из Финляндии «слишком много приходится читать о безобразиях и притеснениях» со стороны русских³¹.

В конце января 1917 г., за несколько недель до событий Февральской революции, штабс-капитан Родзевич, возглавлявший военно-цензурный пункт в г. Раума, сообщил по начальству в 42-й армейский корпус о характере переписки населения подведомственного ему района: «Благодаря своему культурно-выдержанному характеру и сознанию

²⁹Подробнее см.: *Дубровская Е.Ю.* Финляндия и финляндцы в представлениях российских военнослужащих в годы Первой мировой войны // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С.239 – 262.

³⁰КА. «Русские военные бумаги». Д. 17230. (Дело № 7 Гельсингфорского военно-цензурного пункта о настроении на 1916 г.). Л.16.

³¹КА. Там же. Д.13655. Л. 58.

запрещения, налагаемого военной цензурой», переписка ограничивается лишь чисто семейными и деловыми вопросами, «изредка встречаются жалобы на непомерно возросшую дороговизну на предметы первой необходимости»³².

Накануне Февральских событий 1917 г. в Петрограде вопрос о том, можно ли доверять финляндцам, обратил на себя внимание центральных российских властей самого высокого уровня. 18 января 1917 г. на заседании Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства член Государственного Совета И.А. Шебеко доложил собравшимся полученные им сведения о способах, к которым прибегают немецкие диверсанты для организации на территории России взрывов мостов, пристаней, складских помещений и т.п. Как подчеркнул Шебеко, выполнение такого рода задач «возлагается немцами преимущественно на финских граждан из числа хорошо знающих русский язык» и прошедших подготовку в Германии. Для пресечения «этой преступной деятельности враждебных России финских граждан» он настаивал на принятии мер по более тщательной охране русско-шведской границы» и предлагал «установить строжайшее наблюдение за всеми, вызывающими хоть малейшее подозрение, лицами в местах, имеющих особо важное значение для обороны»³³.

Милитаризация внутренней жизни империи была связана с централизацией внутреннего управления, вызвала конфронтацию между гражданской и военной администрацией, содействовала перенесению образа внешнего врага во внутренние межэтнические отношения подданных империи, что наиболее ярко проявилось в распространении германофобии. Качественно новый характер Первой мировой войны разрушал традиции имперской политики и уклад имперской жизни, привычный для флотских и армейских офицеров российских войск в Финляндии. Здесь влияние войны сказалось особенно неоднозначно в силу геостратегического положения Финляндии в зоне противоборства воюющих империй и культурной инаковости, ставшей ведущим фактором в конструировании образа врага .

³²КА. «Русские военные бумаги» Д. 3847. Л.45.

³³Журналы Особого совещания по обороне государства (1915 – 1918). 1917 г. Вып.1. М.,1978. С.84 – 85.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д.А. Тенденции и стереотипы во взаимоотношениях матросов и офицеров весной 1917 г. на кораблях Гельсингфорской военно-морской базы // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2015. Т.4. № 1. С.38-48.

Барышников В.Н. Латышский большевик И.Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 20 (№ 1). 2019. С.26 – 38.

Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 2008. 125 с.

Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время первой мировой войны. 1914 – 1917. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб: Дм. Буланин, 2001. 349 с.

Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб: изд-во Остров, 2001. 83 с.

Латин В.В. Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 98 – 120.

Моряки-балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 г.: вступительная статья, подготовка текста и комментарии А.В. Смолина // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. №12. С.246-251.

Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы первой мировой войны. СПб: изд-во СПбГУ, 2002. 300 с.

Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.-Л: Наука, 1966. 267с.

Правилова Е. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801 – 1917. М.: Нов. изд-во, 2006. 456 с.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1996. 294 с.

Сергеев Е.Ю. Представленческие модели имперских военных элит накануне Первой мировой войны // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. 381 с.

Соболев Л.С. Капитальный ремонт. Роман: СПб: ТОО «Санта», 1994. 480 с.

Соломец И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1992. 90 с.

Heikkinen S. “Den Ryska soldatsken och Österbotningarna // Blod på drivan. Händelserna 1917 – 1918 ur ett österbottniskt perspektiv. Vasa, 1999. S. 25-36.

Luntinen P. The Imperial Russian Army in Finland 1808 - 1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.

Nahri M. Venalaiset juokot Suomessa autonomian aikana // Venalaiset Suomessa: 1809—1917. Helsinki: Historiallinen Arkisto 83. 1984. S. 161—180.

Roselius A., Silvennoinen O. Villi itä. Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918 – 1921. Helsinki: Tammi, 2019. 366 s.

Turpeinen O. Venäjänkielisten maara Suomessa vuonna 1900 // Venalaiset Suomessa: 1809—1917. Helsinki: Historiallinen Arkisto 83. 1984. S. 21—28.

REFERENCES

Bazhanov D.A. Tendencii i stereotypy vo vzaimootnoshenijah matrosov i oficerov vesnoi 1917 g. na korabljah Gel'singforsskoi voenno-morskoi bazy [Tendencies and stereotypes in relations between sailors and officers in Spring 1917 on the ships of navy military base in Helsingfors], in *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. [Proceedings of Leningrad State Univ. named after A.S. Pushkin]*. 2015. Vol. 4. № 1. P. 38-48. (In Russian).

Baryshnikov V.N. Latyshskij bol'shevik I.T. Smilga i ego rol' v revoljucii i grazhdanskoj voine v Finljandii [Lettish bolshevik I.T. Smilga and his role in the Civil war in Finland], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [St. Petersburg and States of Northern Europe]*. 20 (№ 1). 2019. P. 26 – 38. (In Russian)

Dubrovskaja E.Yu. *Rossijskie voennosluzhashchie i naselenie Finljandii v gody Pervoi mirovoj voiny (1914 -1918) [Russian servicemen and population of Finland during World War I (1914 -1918)]*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 2008. (In Russian)

Kazancev D.L. *Vospominanija o sluzhbe v Finljandii vo vremena Pervoi mirovoj voiny. 1914 -1917 [Memoirs on service in Finland during World War I. 1914 -1917]*. Moscow: Kuchkovo pole Publ. [, 2016. (In Russian)

Kolonickij B.I. *Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoi kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda [Symbols of power and struggle for power: on the study of political culture of Russian revolution 1917]*. Saint-Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 2001. (In Russian)

Kolonickij B.I. *Pogony i bor'ba za vlast' v 1917 godu [Shoulder-straps and struggle for power in 1917]*. Saint-Petersburg: Ostrov Publ., 2001. (In Russian)

Lapin V.V. Finljandija v voennoi sisteme Rossijskoj imperii [Finland in war system of Russian Empire], in *Peterburgskii istoricheskii zhurnal. Issledovanija po rossijskoj i vseobshchej istorii [Saint-Petersburg Historical Journal: Studies on Russian and World history]*. 2014. № 1. P. 98 – 120. (In Russian)

Morjaki-baltiicy v Gel'singforse v 1917 g.: vstupil'naja stat'ja, podgotovka teksta i kommentarii A.V. Smolina [The Baltic sailors in Helsingfors in 1917: introduction, preparation of the text and comments by A.V. Smolin], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the department of Modern and Contemporary history]*. 2014. № 12. P. 246-251. (In Russian)

Novikova I.N. *“Finskaja karta v nemeckom pas'janse: Germanija i problema nezavisimosti Finljandii v gody pervoi mirovoi voiny [“Finnish card” in German solitaire: Germany and the problem of Finland’s independence during World War I]*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. Publ., 2002. (In Russian)

Petrash V.V. *Morjaki Baltiiskogo flota v bor'be za pobedu Oktjabrja [Sailors of the Baltic Fleet in struggle for the victory of October]*. Moscow – Leningrad: Nauka Publ., 1966. (In Russian)

Pravilova E. *Finansy imperii: den'gi i vlast' v politike Rossii na nacional'nyh okrainah, 1801 – 1917. [Finances of the Empire: money and power in Russia’s policy on the national outlying districts]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. (In Russian)

Rasila V. *Istorija Finljandii [History of Finland]*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1996. (In Russian)

Sergeev E.Yu. *Predstavlencheskie modeli imperskih voennyh elit nakanune Pervoi mirovoi voiny [Notion models of the imperial war elites on the eve of the World War I]*, in *Rossiiskaja imperija v sravnitel'noi perspective [Russian Empire in comparative perspective]*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. (In Russian)

Sobolev L.S. *Kapital'nyi remont. Roman [Capital Repair-novel]*. Saint-Petersburg: TOO Santa Publ., 1994. (In Russian)

Solomeshch I.M. *Finl'jandskaja politika carizma v gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917) [Tsarist policy in Finland during World War I (1914 – February 1917)]*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ., 1992. (In Russian)

Heikkinen S. *“Den Ryska soldatsken och Österbotningarna, in Blod på drivan. Händelserna 1917 – 1918 ur ett österbottniskt perspektiv*. Vasa, 1999. S. 25-36.

Luntinen P. *The Imperial Russian Army in Finland 1808 - 1918*. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997.

Nahri M. *Venalaiset juokot Suomessa autonomian aikana, in Venalaiset Suomessa: 1809—1917*. Helsinki: Historiallinen Arkisto 83. 1984. S. 161—180.

Roselius A., Silvennoinen O. *Villi itä. Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918 – 1921*. Helsinki: Tammi, 2019.

Turpeinen O. *Venäjankielisten maara Suomessa vuonna 1900, in Venalaiset Suomessa: 1809—1917*. Helsinki: Historiallinen Arkisto 83. 1984. S. 21—28.